

Антихристов кучер

(Очерк)

Комната Александра Ивановича была неприглядна; единственное низенькое окно упиралось в покачнувшийся забор, около которого были навалены кучи навоза. Солнце очень редко заглядывало к Александру Ивановичу, как бы стыдясь мерзости запустения, царившей в его логовище: убогая кровать, занимавшая большую часть крохотной комнаты, оставалась всегда "разверстой", у окна печально стояли некрашенный стол и два хромых и продавленных стула, по углам висели паутины, на полу была грязь, плевки и окурки, но главное, что прежде всего бросалось в глаза, - это обилие пустых бутылок в комнате Александра Ивановича: они были различной величины, большие и маленькие, из-под пива и водки и нестройной толпой стояли на окне, как любопытные зрители жизни Александра Ивановича. Они попадались на столе, на стульях, в углах и нескромно выглядывали из-под кровати. На ней лежал Александр Иванович, только что пробудившийся от сна. С головы он походил на бубнового короля, а может быть, и на изображения святых, как их обыкновенно рисуют на иконах: с длинной бородой и длинными волосами, с аскетическими чертами лица, хотя на этом только и кончалось последнее сходство. Длинный нос его был несколько красен, лицо измято, веки опухшие. Проснувшись он в мрачном настроении алкоголика, пьянствовавшего очень долго. Он чувствовал, что в голове его "сидит" что-то тяжелое, огромное и давящее. По мнению Александра Ивановича, это был "медведь". Тяжесть сидящего "медведя" причиняла страдание не только голове Александра Ивановича, но и душе его. Голова его совершенно не работала, в ней не было решительно ни одной мысли, а только царило какое-то тупое и неподвижное состояние. Но зато душа его страдала невыносимо. Прежде всего, он чувствовал поразительное равнодушие ко всему на свете и положительное отвращение к жизни: она казалась ему каким-то скучным и тяжелым бременем. Потом, его тяготило беспричинное ощущение страха, почти ужаса, неизвестно перед чем. Ему казалось, что вот-вот сейчас должно совершиться с ним что-то страшное, хотя он был вполне уверен, что ничего подобного не случится. Ему казалось, что он уже совершил какое-то ужасное преступление, вроде убийства, и вместе с тем сознавал, что ничего подобного не совершил.

Он знал, что состояние беспричинного страха, равнодушия и отвращения ко всему проистекало от того, что он пробудился после многодневного, мрачного, грязного и отвратительного пьянства. Его мучил тонкий, но неумолкающий голос, раздававшийся в его душе, укоряющий, требующий, яростный, настойчивый, властный. Он, этот голос, укорял Александра Ивановича за всю его жизнь, за все, что он сделал, и за все, что он не сделал, за бесплодно убитые лучшие годы жизни, за погибшие мечты, за безвозвратно уплывшую молодость, за полинявшую дружбу и заглушенную любовь, за те счастливые случаи, которые представлялись ему в жизни и которыми он не воспользовался, за хороших, честных, красивых женщин, с которыми он когда-то давно встречался в жизни, которые тогда могли бы его полюбить, а теперь не встретятся и не полюбят.

Этот голос назойливо укорял его за всю бесполезность и бесплодность его существования, за мрачное одиночество сердца, за всю его ненормальную жизнь, лишенную всех радостей, доступных людям, и, наконец, за пропитое месячное жалованье и за вексель, который он выдал Антихристову Кучеру. И ему представилась ненавистная фигура Антихристового Кучера, его Друга, еврея-ростовщика.

Антихристов Кучер, издавна носивший это прозвище, был известен положительно всему люду, скрипевшему перьями во всевозможных канцеляриях, находившемуся с ним в постоянных и таинственных сношениях. Всегда можно было встретить при любом разбирательстве у мирового судьи его длинную, сухую фигуру с длинной рыжей бородой по пояс, со строгим взглядом впалых глаз из-под сдвинутых рыжих бровей, одетого в длинную серую крылатку и с длинным посохом в руках. Он походил на библейского патриарха или, по чьему-то странному сравнению, на того кучера, который будет у антихриста.

Каждое двадцатое число его злобешая фигура появлялась и в приемной канцелярии, где служил Александр Иванович, и тогда многое множество канцелярских душ приходило в беспокойство и трепет: ему были все должны по векселям, и он, как Люцифер, приходил, неумолимый, требовать уплаты, отбирать полученное жалованье. Что же касается Александра Ивановича, то он давно уже находился в вечном рабстве у Антихристового Кучера, никогда не получал своего